

Принцип единства государственной власти как реальная правовая основа её организации и деятельности

Грачев Н.И.,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры конституционного
и административного права ФГКОУ ВО «Волгоградская
академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: grachev.n.i@mail.ru

Аннотация. Назначение и функции государственной власти в обществе предполагают ее организацию на основе вполне определенных принципов, которые в настоящее время не всегда совпадают с теми, которые закреплены конституционным законодательством в качестве самостоятельных основ конституционного строя. Одним из таких принципов является принцип единства государственной власти. В статье рассматривается его политико-правовое содержание, соотношение с принципом разделения властей, исторические формы воплощения, современные механизмы реализации в практике государственного строительства некоторых конкретных государств. В основе методологии работы лежат методы системного и структурно-функционального анализа, конкретно-исторический, сравнительно-правовой, позволившие автору сделать вывод, что единство государственной власти есть системно-историческая черта, неизменная основа государственно образованных обществ, постоянно воспроизводящая себя в ходе их эволюции, в процессе и после революционных преобразований вне зависимости от закрепления в конституционном законодательстве.

Ключевые слова: государство, государственная власть, верховная власть, единство государственной власти, разделение властей, принцип организации государственной власти, конституционное законодательство, государственное строительство.

Самого момента образования государственности и на протяжении практически всей ее истории, можно сказать истории человечества, государственная власть выступает как важнейший атрибут (элемент и качественный признак) государства. Она вырастает из потребностей политической организации общества, являясь основной формой управления социальными процессами.

Государственная власть представляет собой выделяемую обществом организованную силу, внешним выражением которой выступает система государственных органов и учреждений, объединяющих все элементы народной жизни в единое политическое целое (государство) путем осуществления общих для всего населения дел, функций организации, управления и поддержания порядка на основе монопольного права на принуждение. Наличие в государстве власти, выполняющей указанные функции, является основной гарантией существования и воспроизводства государствообразующего народа, необходимым условием его благополучия и развития. «Государственная власть есть такое политико-правовое явление, существование которого обусловлено потребностями самостоятельного и независимого существования государства и составляющего его народа среди других государств и народов»¹.

Целевое назначение и функции государственной власти предполагают ее организацию и деятельность на основе вполне определенных принципов. Эти принципы, рассматриваемые как идеальное отражение объективно существующих закономерностей общественного развития, доказывали свою реальность и действенность на протяжении всего периода существования государственности. К ним, на наш взгляд, относятся:

1. принцип верховенства государственной власти;
2. публичность государственной власти;
3. единство государственной власти;
4. иерархичность построения системы (организации) государственной власти;
5. легитимность государственной власти.

Принцип верховенства государственной власти означает, что она главенствует в пределах территории государства над всеми иными субъектами политико-правовых отношений, определяет их статус и контролирует их деятельность. Соответственно, на одном и том же государственном пространстве не может существовать другой власти, стоящей выше нее или равной ей. Все другие социальные силы на данной территории (общественные, профессиональные, региональные и т.д.) имеют в правовом смысле производный от государственной власти характер. Преобладание государственной власти над всякой другой выражается в ее монополии на нормотворческую деятельность и правовое принуждение.

¹ Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. М.: Зерцало, 2009. С.44.

Принцип публичности (публичного характера) вытекает из общественной значимости выполняемых ею функций, их всеобщности и необходимости для существования государствообразующего народа. Этот принцип предполагает связанность государственной власти, ее аппарата с общими интересами и общим благом всего народа, что предопределяет отношение к государству как единому целому. Поэтому государственная власть не может выражать исключительно групповые, классовые, узкоэгоистические интересы отдельных социальных групп, а с необходимостью, в большей или меньшей степени, выражает общесоциальные цели и интересы.

Для того, чтобы удовлетворять требованиям принципов верховенства и публичности, власть в государстве должна обладать высокой степенью организационно-политического единства. Принцип единства государственной власти определяется, во-первых, тем, что она всегда имеет единый социальный источник в лице доминирующей общественной группы правящего слоя, элиты, господствующего класса, всего народа, волю или интересы которых она выражает в первую очередь. Во-вторых, правильно организованная государственная власть для выполнения своего функционального назначения всегда имеет единые цели, задачи и направления деятельности, которые определяются целями и задачами, стоящими перед страной, государством и населяющим его народом. В-третьих, достижение этих целей и решение задач требует согласованности и единства действий от всех органов, звеньев и уровней системы государственной власти, их корреляции между собой, для чего необходим единый координационный центр, осуществляющий связь и согласованность между различными государственно-властными структурами, устанавливающий и поддерживающий организационное, правовое и функциональное единство в построении и деятельности государственного аппарата.

Тем самым определенная степень единства государственной власти с необходимостью предполагает иерархичность ее строения и внутренней организации. Принцип иерархичности означает ступенчатую структурированность и наличие внутренней субординации в построении и деятельности государственного аппарата. Поэтому в системе государственной власти любого государства существуют различные органы, их уровни и звенья, которые выполняют различные функции, обладают разными полномочиями по их осуществлению и находятся в определенном соподчинении по отношению друг к другу, образуя иерархическую лестницу. На ее вершине находится конечный высший центр действия, непосредственный

носитель верховной власти (орган или их группа), концентрирующий в своих руках все властные функции и полномочия, а затем распространяющий по периферическим уровням какую-то необходимую их часть, оставляя право последних окончательных решений общегосударственного (суверенного) значения за собой. В этом, в конечном итоге, состоит сущность суверенитета, реальным фактическим выражением которого является наличие национально ориентированной верховной власти, обладающей универсальным полномочием на управление государством в целом, которое проявляется в монополии на окончательные решения, не подлежащие оспариванию, обжалованию и пересмотру².

Принцип легитимности находит свое выражение в безусловном авторитете верховной власти у населения. Легитимной является власть, признаваемая им законной, правомерной. Но законность и правомерность оцениваются здесь не по формально-юридическим критериям, а психологически, на основе внутреннего, эмоционально-аффективного отношения к власти, и основываются на вере и признании права конкретного носителя верховной власти на ее осуществление.

Указанные выше принципы организации и деятельности государственной власти уже давно превратились в ее неотъемлемые качественные характеристики. Они на протяжении всей истории, вне зависимости от их закрепления в конституциях и законодательстве, находили и по-прежнему находят свое выражение и проявление фактически, на практике, в организации и деятельности государственного аппарата любой страны и, одновременно, всех их вместе взятых. Гибель конкретных государств и разложения государственности как таковой всегда оказывались связаны с отходом от этих принципов, утратой ими своей реальной действительности. Все они тесно связаны между собой, и умаление или ограничение одного из них отрицательно сказывается на возможности реализации других.

Однако системообразующим среди всех указанных выше принципов является, на наш взгляд, принцип единства государственной власти, о чем свидетельствует исторический опыт. Двоевластие в России (февраль-октябрь 1917 г., 1990-1991 гг., 1993 г.), борьба короля и парламента в Англии во время английской буржуазной революции 1642-1649 гг., попытка разделения территории Римской им-

² См.: Грачев Н.И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. М.: Книгодел, 2009. С. 46-52; Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2002. С. 25-26.

перии между несколькими императорами (III–IV вв.) и другие аналогичные события в других странах нивелировали значение и упраздняли позитивный потенциал других принципов, на которых строится государственная власть, приводя государства к разрушению или ставя их на грань гибели.

В Древнем мире, Средневековье и на пороге Нового времени единство государственной власти понималось, прежде всего, как единство организационное и носило, как правило, персоналистский характер, основываясь на концентрации всей полноты суверенных государственно-властных полномочий законодательного, управительного и судебного характера в руках самодержавного или абсолютного монарха. Это относится к монархам восточных деспотий, императорам-сынам Неба Китая и Японии, базилевсам Римской и Византийской державы, каганам степных империй, халифам, шахиншахам и султанам мусульманских стран, королям Западной Европы и российским самодержцам. Во многих странах в различные периоды монархи обожествлялись либо признавались заместителями Бога. Богословы отстаивали исключительное право монархов на представительство и замещение на земле божественной, небесной воли Создателя. Как вселенная создана и управляется стоящей над ней волею Божией, так и государство устраивается и управляется, объединяется и укрепляется единой волей властвующего в нем верховного правителя. Соответственно, в теории монархического суверенитета говорят о принадлежности всей полноты верховной власти одному лицу — монарху.

Единство государственной власти в монархических теориях и практике государственного строительства означает не только наличие единой верховной власти, но и повторение ее принципов на низовых территориальных уровнях. Здесь нет никакого разделения властей ни по горизонтали, ни по вертикали. Это хорошо показано Н.М. Карамзиным: «всякая губерния есть Россия в малом виде», — пишет он, где система правления соединяет всю местную власть в заместителе, обеспечивая единство и силу в деятельности территориальных органов³. В то же время единство центра и периферии обеспечивается единством верховной власти, которая в лице монарха олицетворяет это единство, полностью поглощая своей компетенцией компетенцию органов государственной власти на местах. Так возникает не только организационное, но также и производное от него правовое и функциональное единство системы государственной власти.

³ См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1991. С.100.

Идея единства государственной власти оставалась основополагающей для ее организации и деятельности практически до конца XVII — середины XVIII вв., когда сначала идеолог «славной революции» в Англии Дж. Локк⁴, а затем французский граф-просветитель Ж.Л. Монтескье⁵ во Франции выдвинули теорию разделения властей. В научной литературе существует достаточно распространенная точка зрения, что предпосылки теории разделения властей можно обнаружить в трудах античных мыслителей Аристотеля и Полибия, а зачатки ее практического воплощения — в организации верховной власти Римской республики⁶ и Ветхозаветного Израиля⁷. Такая концептуальная позиция выглядит искусственной. Республиканский Рим в действительности стремился к сочетанию в организации своей верховной власти демократических, аристократических и монархических элементов, а не к их разделению. Механизм верховной власти республики, во всяком случае в период ее расцвета, был направлен не на разделение полномочий и взаимный контроль, а на поиск согласия и согласованности в деятельности народных собраний (комиций), сената и консулов, обеспечение их прочного единства⁸. Это был «принцип дополнения властей», принцип солидарности, где одна не до конца полномочная власть подкрепляла другую такую же⁹. Поэтому Полибий, живший во времена расцвета Римской республики, определил ее форму правления как смешанную, сочетающую лучшие черты трех классических «чистых» форм¹⁰. Что касается Ветхозаветного Израиля, то следует отметить, что со времен Иосифа Флавия его форма правления определяется как теократия¹¹, при которой Бог властвует над народом посредством пророков и судей (часто и тех, и других в одном лице). И даже в эпоху царств судьи-проро-

⁴ См.: Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т.3. М.: Мысль, 1988. С. 337-361.

⁵ См.: Монтескье Ж.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 138-148.

⁶ См., например: Дмитриев Ю.А., Николаев А.М. Система государственной власти в России и в мире: историко-правовая ретроспектива. М.: Профобразование, 2002. С. 11-17; Симонишвили Л.Р. Формы правления: история и современность. М.: Флинта: МПСН, 2007. С. 9-10.

⁷ См.: Баренбойм П.Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.

⁸ См.: Грачев Н.И. Происхождение суверенитета. С. 169-170.

⁹ Махнач В.Л. Поиск земного совершенства // Независимая газета. 2000.23.11.//ng.ru/ideas/2000/11/23/ideas.htm.

¹⁰ См.: Полибий. Всеобщая история. В 40 кн. Т 2. Кн. 6-25. СПб.: Наука, 2005. С.12-17.

¹¹ См.: Флавий И. О древностях иудейского народа (Против Апиона) // profilil.com/kniga/22671/iosif; Мень А. История религий: В 7 т. Т.2 Магизм и Единобожие. М.: СП «Слово», 1991. С. 261.

ки оставались «концептуальной» закулисной властью. И в этом отношении, как мы увидим далее, между современными Великобританией и США и древним Израилем существуют вполне прозрачные аналогии.

Симптоматично, что для Монтескье в качестве идеального образца разделения властей служила организация верховной власти конституционной (дуалистической) монархии в Англии периода после «славной революции» 1688 г.¹² В последующее время теория разделения властей стала для либерально-демократической государственности и ее концепции незыблемым принципом, не подлежащим критическому обсуждению.

Этот принцип предполагает разграничение суверенных полномочий между высшими органами государственной власти с участием в реализации некоторых из них избирательного корпуса, состоящего из дееспособных граждан. Внедрение конституционного принципа разделения властей в государственный механизм приводит к организационному делению единой по своей первоначальной сущности верховной власти на три самостоятельные и юридически независимые друг от друга ветви — законодательную, исполнительную и судебную, каждую из которых олицетворяет какой-либо орган (либо органы) верховной власти. Законодательную — парламент, состоящий из одной или двух палат, исполнительную — глава государства и (или) правительство, судебную — высшие судебные инстанции. Цель такого разделения является недопущение концентрации суверенных полномочий в одном верховном органе, что выступает организационно-правовой гарантией обеспечения прав и свобод личности (человека и гражданина). «Чтобы правильно понять идеи по этому вопросу, — писал один из «отцов-основателей» США Дж. Мэдисон, — необходимо понять идеи, в которых сохранение свободы рассматривается в связи с тем, что три самых главных рода власти должны быть разделены и отделены друг от друга»¹³.

Совершенно очевидно, что в такой интерпретации принцип разделения властей носит не позитивно-организующий, а сугубо гарантийно-охранительный характер¹⁴. Его политико-правовое содержание составляют не идеи рациональной и эффективной деятельности органов государственной власти и всего государственного механизма в целом, а идеи поиска средств от злоупотреблений

со стороны этих органов и должностных лиц. Тогда как для реального, а не спроектированного в уме государства, главным будет не красиво составленная конституция, закрепляющая все модные гуманистические и демократические принципы, а организация эффективно работающей системы государственной власти, хорошо выполняющей свои задачи и функции. А такая система строится только лишь на основе единства верховной (суверенной) власти и сосредоточения в ее руках необходимых ресурсов, средств и прерогатив.

Как показывает история государственного строительства принцип разделения властей, как и все другие либерально-демократические ценности (приоритет прав личности, верховенство права, частная собственность и рыночное хозяйство, парламентаризм и т.д.), эффективно действует на своей родной, автохтонной для них почве, в первую очередь в странах англо-саксонской политико-правовой культуры. Будучи провозглашены универсальными, эти принципы на самом деле имеют англосаксонское происхождение и отражают интересы двух сменивших один другого гегемонов мировой капиталистической системы — Великобритании и США, которые, внедряя их последовательно с Запада на Восток в идеологию и практику государственного строительства других стран, устраняли всех своих геополитических конкурентов — сначала полуостровных европейских (Францию и Германию), а затем и евразийских Российскую Империю и СССР. Поэтому либеральные принципы организации государства и общества, включая и принцип разделения властей, в Великобритании и США носят созидательный характер, но в отношении стран — их геополитических противников — выступают как разрушительное идеологическое и политико-экономическое оружие¹⁵. Происходит это в силу социокультурной близости и адекватности этих принципов породившему их обществу в первом случае и абсолютному их несоответствию социокультурной среде и ментальности населения стран-реципиентов, заимствующих их извне.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что принципы демократии, парламентаризма, правового государства (верховенства права), разделения властей не стоит понимать буквально, прямо в соответствии с буквой конституционных положений, тем более, что Великобритания до сих пор не имеет писаной конституции. Англо-саксонские народы сами вырастили свою государственность, их государственные и правовые институты органичны для их на-

¹² См.: Монтескье Ш.Л. Указ соч. С. 138.

¹³ Федералист. Политическое эссе. А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс, 1993. С. 331-332.

¹⁴ Грачев Н.И., Гаджи-Заде Э.А. Формы правления и институт президентства в странах СНГ. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2005. С. 39.

¹⁵ См.: Фурсов А.И. Европейская система государств, англосаксы и Россия // Фурсов А.И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты. М.: Книжный мир, 2016. С. 36-38.

циональной культуры. Поэтому они не сильно озабочены соответствием деятельности своих органов власти теоретическим постулатам или букве конституции. По-видимому, они хорошо понимают, что при всей своей привлекательности либеральная демократия «не может и не должна выступать в качестве самоцели»¹⁶. Гораздо важнее общее соответствие институтов власти национальной культуре и менталитету государствообразующего народа и эффективность их деятельности. На практике это приводит к повсеместному верховенству в государственной организации стран Западной Европы и Северной Америки исполнительной власти, ее «главенствующей роли» в отношениях с другими ветвями власти, на что уже давно обратили внимание все внимательные и добросовестные исследователи¹⁷.

Однако самое существенное заключается в том, что в этих странах на протяжении практически всего существования капиталистической формации, а, следовательно, и буржуазной государственности, официально установленные институты верховной власти не совпадают с ее реальными, фактическими носителями. Реальные субъекты власти создают «теневые» или (и) закрытые (закулисные) структуры, встроенные в конституционный государственный механизм, тесно и неформально с ним связанные, осуществляющие фактическое руководство этим механизмом и стоящим над ним. Именно эти структуры обеспечивают единство государственной, в первую очередь верховной власти в США и Великобритании, пытаются одновременно осуществлять руководство стратегическим развитием всего мира и опираясь при этом на свое доминирующее влияние в официальных государственных институтах.

В Великобритании это, прежде всего, уникальный институт монархии, а фактически королевской семьи. Во-первых, исходя из конституционного законодательства, монарх обладает огромными полномочиями, которые включают: право подписания законов и связанное с этим право абсолютного вето, право роспуска нижней палаты Парламента, право назначения премьер-министра, других членов Правительства и судей. Он является верховным главнокомандующим и назначает всех высших должностных лиц в вооруженных силах. Ему принадлежит право заключения международных договоров, объявления вой-

ны и заключения мира. Монарх возглавляет англиканскую церковь в Англии и пресвитерианскую в Шотландии. Кроме того, он возглавляет Содружество (1931-1947 гг. — Британское содружество наций), включающее около 50 государств — бывших колоний и доминионов Великобритании, 17 из которых признают английского короля главой своих государств. Именно институт монархии выступает в Великобритании как символ единства нации и преемственности ее развития, гарант стабильности общества¹⁸. В Великобритании существует официально признанная доктрина верховенства британского Парламента, разработанная выдающимися английскими правоведами В. Блэкстоном и А. Дэйси, имеющая нормативное значение и являющаяся одним из источников неписаной британской конституции. Согласно ей Парламент, под которым формально-юридически понимается король, палата лордов и палата общин, что определяется выражением «король в Парламенте», обладает верховной и бесконтрольной властью, «может сделать все, что не невозможно физически»¹⁹. Если учесть, что в состав палаты общин полностью входит Правительство, поскольку оно формируется из депутатов партии парламентского большинства, а высшей судебной инстанцией является палата лордов, то остается только гадать, как *monsieur* Монтескье и его многочисленные последователи в прошлом и настоящем смогли углядеть в организации верховной власти Великобритании ее разделение на три организационно независимые друг от друга ветви.

Несмотря на «спящий» характер своих политических прерогатив, монарх и его семья фактически остаются системообразующим элементом в системе верховной власти Соединенного королевства, являясь ключевым финансово-экономическим звеном не только Великобритании, но и всего Содружества, обладающим не только моральным авторитетом, как часто пишется в учебниках по конституционному праву, но и пользующимся определяющим влиянием политического и административного характера, включая блокирование принятия нежелательных судебных решений.

Как писал по этому поводу еще в начале 30-х годов прошлого века барон Рауль де Ренне, аксиома, что «английский король царствует, но не управляет», совершенно не верна. «В действительности английский король именно управляет, и правит более самодержавно, чем многие другие монархи, считавшиеся са-

¹⁶ Керимов А.Д. Теория и практика демократии (часть 1) // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2(3). С. 83.

¹⁷ См.: Керимов А.Д. Современное государство: Вопросы теории. М.: Норма, 2008. С. 100-112; Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Белые альвы, 1996. С. 219-221.

¹⁸ См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник. В 4-х т. Т. 3 / Отв. ред. Б.А. Страшун. М.: БЕК, 1998. С. 48-51.

¹⁹ Дэйси А.В. Основы государственного права Англии. М.: Тип. Издательства Н.Д. Сытина, 1905. С. 47-48.

модержавными и неограниченными. Происходит же это вследствие того, что король является главой особой системы негласных конспирированных установлений, руководящих всеми сторонами государственной и общественной жизни страны». То есть, наряду с явными органами власти на всей территории Великобритании «существуют организации, которые скрыто от глаз непосвященных оказывают решающее влияние на внутреннюю и иностранную политику государства». Поэтому «общезвестная английская форма правления с ее классическим парламентаризмом не соответствует действительному государственному механизму страны», который «состоит из чрезвычайно искусной комбинации явных форм... с тайными, известными только тем, кто принимает в них участие»²⁰.

Сказанное в полной мере относится и к США. К началу XX в. там окончательно сложилась система, в которой представительные органы (конгресс, его палаты и легислатуры штатов), политические партии, выборы «жесткое» разделение властей, якобы трансформировавшееся в систему сдержек и противовесов в отношениях между высшими государственными органами, — всего лишь бутафория, рассчитанная на то, чтобы ввести другие народы и своих граждан в заблуждение, направив их действия в нужное русло. За спиной всей этой сложной структуры стоят мощные глобальные олигархические кластеры, которые условно можно обозначить как кланы Рокфеллеров (интересы, которых представляет республиканская партия) и Ротшильдов (демократическая партия). Непримируемая борьба между ними, на которой спекулируют некоторые поклонники конспирологии, — миф. На самом деле имеет место имитация борьбы (конкуренция, несомненно, присутствует). Имеющие место противоречия так или иначе всегда разрешаются консенсусом, которые достигаются путем обсуждения проблем в закрытом режиме на заседаниях неофициальных глобалистских организаций: Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба, Трехсторонней комиссии и др. Достигнутые договоренности безоговорочно выполняются и приводятся в жизнь посредством государственных органов. К тем, кто «выпадает из консенсуса», применяются меры устрашения и воздействия, диапазон которых достаточно широк, от десоциализации и политического забвения до демонстративных убийств, как это случилось с братьями Кеннеди²¹. Поэтому, какая бы партия не получила

большинство в Палате представителей или Сенате, чей бы представитель не занимал Белый дом, их политика ведется и регулируется одной и той же «концептуальной властью», обладающей реальным верховенством, внутренним единством, несменяемостью и преемственностью, поскольку именно указанные выше бизнес-империи (Ротшильдов и Рокфеллеров) осуществляют функцию реального стратегического руководства развитием США и всего Запада.

Таким образом, конституционно закрепленное разделение властей в государствах теперь уже всей Европы и Северной Америки, все эти парламенты, президенты или правительства, конституционные суды, суть лишь фасад, политико-правовая фикция, опереточная суета не слишком искусственной в политике публики. Реальный суверенитет — верховная власть принятия решений, организации их исполнения и контроля за ним — принадлежит глобальным олигархическим кланам, осуществляющим ее посредством закрытых полуконспиративных структур. Конституционные органы выступают лишь промежуточной ступенью («прокладкой») между «концептуальной» (фактически верховной) властью и подвластными, осуществляя функцию подчиненного управления (по сути административную, исполнительно-распорядительную деятельность), вне зависимости от того, голосуют ли они в парламенте, заседают в правительстве или осуществляют правосудие. Президент или премьер-министр в лучшем случае исполняет роль «смотрящего» в отношении официальных органов, направляя их деятельность в нужном для реальной власти направлении. Таким образом, конституционные демократические институты, как, впрочем, вся либерально-демократическая идеология, в значительной своей части обнаруживают «крайнюю лицемерность», создавая у широких масс «опасную иллюзию сопричастности к принятию общезначимых решений, к управлению делами государства»²², чего на самом деле не происходит.

В России наоборот на протяжении всей ее истории официальная власть всегда совпадала с реальной, вернее она и была ею. Начиная с конца XV в. и вплоть до революции 1917 г., она существовала в форме самодержавной монархии, которая по существу своему никак не могла быть юридически ограничена или разделена.

После Великого Октября верховная власть в СССР принадлежала высшим партийным органам, представляя собой нечто вроде коллективного, олигархического самодержавия, которое периодически довольно легко превра-

²⁰ Ренне Р. де. Тайный смысл нынешних и грядущих событий // sites.google.com/site.

²¹ См.: Павленко В.Б. Глобальная олигархия. Клань в мировой политике: история и современность. М.: ОТИ, 2015. С. 426-427.

²² Керимов А.Д. Теория и практика демократии (часть 2) // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3(4). С. 73.

шалось в индивидуальное: партийный лидер (генсек) де-факто превращался в единоличного диктатора, «красного монарха»²³. Однако, несмотря на неконституционный характер (формально высшим органом государственной власти являлся Верховный Совет), партийное самодержавие имело вполне легальный, почти официальный характер с попытками узаконить такое положение конституционно (ст. 126 Конституции СССР 1936 г., ст. 6 Конституции СССР 1977 г.). По крайней мере, КПСС не скрывала своего фактического верховенства, не делала из себя криптократию. Организационные структуры партии были имплантированы в государственный аппарат или стояли над ним, играя роль последней инстанции при принятии важнейших государственных решений. Партийные руководители одновременно занимали руководящие посты в высших государственных органах. Фигура партийного лидера и организационные структуры коммунистической партии обеспечивали единство государственной власти в СССР, а по существу, и единство советского общества и государства, что получило свое отражение в советских конституциях²⁴. Поэтому крах КПСС означал одновременно и гибель СССР. По-настоящему советская государственность держалась на иерархической вертикали партийной власти, насквозь пронизывающей конституционно оформленную государственную организацию.

Пришедшие к власти в начале 90-х годов XX в. либералы попытались сломать 500-летнюю парадигму организации российской власти. В принятой в 1993 г. новой Конституции России за основу были взяты новоевропейские и американские политико-правовые идеи, включая принцип разделения властей, на самом деле являющийся миной под конструкцию любой работающей власти. Парадокс, однако, заключается в том, что за основу новой формы правления в России была взята криптомонархическая модель Пятой Республики во Франции, с еще более широкими функциями и полномочиями Президента России, которые подняли его над другими высшими органами, олицетворяющими законодательную, исполнительную и судебную власть, и поставили его вне системы разделения властей. В интерпретации Конституции РФ²⁵

принцип разделения властей весьма напоминает гегелевскую трактовку этой концепции, где все ветви власти объединяются суверенными прерогативами государя, обладающего правом последнего волевого решения²⁶, а также план государственных преобразований М.М. Сперанского в эпоху царствования Александра I, который краеугольным камнем своего проекта положил теорию разделения властей, но возвел их все к державной власти государя-императора и объединил в его персоне²⁷. Весьма значительно, также, статус Президента России, на наш взгляд, напоминает правовое положение государя-императора по Основным Законам Российской Империи от 23 апреля 1906 г.²⁸, в соответствии с которыми ее форму правления можно определить как дуалистическую монархию.

Таким образом, несмотря на эклектичность содержания и радикальный либерализм основополагающих принципов, Конституция РФ 1993 г. в организации верховной власти государства по существу воспроизвела российский архетип сильной единоличной власти главы государства, компетенция которого вполне позволяет обеспечивать ключевые принципы, на которых должны строиться эффективно работающий государственный аппарат и вся система государственных учреждений.

Кроме того, в тексте новой российской Конституции в 1993 г. был закреплен принцип единства системы государственной власти (ч. 2 ст. 5), а ч. 2 ст. 77 и ч. 4 ст. 78 обеспечены гарантии его реализации со стороны Президента. Однако этот принцип был зафиксирован не как самостоятельная основа конституционного строя России, а как составная часть более общей по отношению к нему идеи — принципа федерализма (ст. 5). Но если учесть, что фактическое право создается в процессе реализации конституционных принципов и юридических норм, которые их конкретизируют, то следует признать, что и действительная юридическая сила конституционных принципов, их взаимное соотношение и иерархическая соподчиненность определяются точно так же — государственно-правовая практика выступает здесь как критерий истины. С этих позиций именно практика реализации принципа единства системы государственной власти показывает его реальное верховенство над подавляющим

²³ Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (tres-tres grund espace dans une tres-tres longue duree) // Фурсов А.И. Русский интерес. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. С.148.

²⁴ Конституция (Основной закон) СССР 1936 г.; Конституция (Основной закон) СССР 1977 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917-1991 гг. М.: Зерцало, 1997.

²⁵ См.: Конституция Российской Федерации. М.: Проспект, 2016. 32 с.

²⁶ См.: Гегель Г.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 311.

²⁷ См.: Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 399-411.

²⁸ См.: Высочайшие утвержденные основные государственные законы 1906 г., 23 апреля // Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век-1917 год). Сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2000. С. 311-320.

большинством других принципов, составляющих основы конституционного строя России, включая принципы федерализма и разделения властей. Опираясь на этот принцип и повинаясь политической логике, Президент и его Администрация в начале 2000-х годов взяли под жесткий контроль организацию и деятельность всех государственных институтов и структур, выстроили «новую властную вертикаль» в стране и провели целый ряд реформ, которые спасли ее от распада и хаоса, но вряд ли соответствовали либеральным принципам первых двух глав российской Конституции. И в настоящее время государственная организация России характеризуется такими чертами, которые не соответствуют букве действующей конституции, но адекватно отвечают духу российской государственности: фактическим контролем главы государства за деятельностью Федерального Собрания, которое по существу превратилось в законосовещательный орган при Президенте РФ; лишением независимости судебных органов, находящихся под надзором президентской Администрации; практической унитаризацией территориального пространства Российской Федерации; отсутствием реальной почвы для парламентаризма²⁹.

Такое положение не стоит, однако, рассматривать в качестве «узурпации власти Президентом», как это делают лидеры неолиберальной оппозиции. Оно имеет глубинную опору в социокультурной среде и политической системе России, доказывая лишним раз, что единство государственной власти — это системно-историческая черта, неизменяемая и несменяемая основа, всегда воспроизводящая себя в ходе эволюции крупных и сложных социально-политических систем. В ходе развития такие системы могут менять свои структуры, но как говорит французская пословица, «чем больше перемен, тем больше все остается постарому», по крайней мере, по сути, по своим базовым принципам. Более того, структурные кризисы и изменения, как раз и обеспечивают лучше всего сохранение системы, постоянно жертвующей своими конкретными историческими формами в целях сохранения фундаментальных, сущностных черт.

Список литературы

1. Баренбойм П.Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 288 с.
2. Высочайшие утвержденные основные государст-

- венные законы 1906 г., 23 апреля // Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век-1917 год). Сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2000. С. 311-320.
3. Гегель Г.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
4. Грачев Н.И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. М.: Книгодел, 2009. 468 с.
5. Грачев Н.И. Базовые ценности российской цивилизации как основа российской Конституции // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4(5). С. 43-50.
6. Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. М.: Зерцало, 2009. 320 с.
7. Грачев Н.И., Гаджи-Заде Э.А. Формы правления и институт президентства в странах СНГ. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2005. 168 с.
8. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. М.: Тип. Издательства Н.Д. Сытина, 1905. 681 с.
9. Дмитриев Ю.А., Николаев А.М. Система государственной власти в России и в мире: историко-правовая ретроспектива. М.: Профобразование, 2002. 840 с.
10. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1991. 127 с.
11. Керимов А.Д. Современное государство: Вопросы теории. М.: Норма, 2008. 144 с.
12. Керимов А.Д. Теория и практика демократии (часть 1) // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2(3). С. 82-91.
13. Керимов А.Д. Теория и практика демократии (часть 2) // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3(4). С. 70-79.
14. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник. В 4-х т. Т. 3 / Отв. ред. Б.А. Страшун. М.: БЕК, 1998. 764 с.
15. Конституция (Основной закон) СССР 1936 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917-1991 гг. М.: Зерцало, 1997.
16. Конституция (Основной закон) СССР 1977 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917-1991 гг. М.: Зерцало, 1997.
17. Конституция Российской Федерации. М.: Проспект, 2016. 32 с.
18. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135-405.
19. Махнач В.Л. Поиск земного совершенства // Независимая газета. 000.23.11.//ng.ru/ideas/2000/11/23/ideas.htm.
20. Мень А. История религий: В 7 т. Т.2. Магизм и Единобожие. М.: СП «Слово», 1991. 426 с.
21. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Белые альвы, 1996. 316 с.
22. Монтескье Ж.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
23. Павленко В.Б. Глобальная олигархия. Клань в ми-

²⁹ См.: Грачев Н.И. Базовые ценности российской цивилизации как основа российской Конституции // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4(5). С. 46-47.

- ровой политике: история и современность. М.: ОТИ, 2015. 720 с.
24. Полибий. Всеобщая история. В 40 кн. Т 2. Кн. 6-25. СПб.: Наука, 2005. 422 с.
 25. Рене Р. де. Тайный смысл нынешних и грядущих событий // sites.google.com/site.
 26. Симонишвили Л.Р. Формы правления: история и современность. М.: Флинта: МПСН, 2007. 280 с.
 27. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. 680 с.
 28. Федералист. Политическое эссе. А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея. М.: Прогресс, 1993. 568 с.
 29. Флавий И. О древностях иудейского народа (Против Апиона) // profilil.com/kniga/22671/iosif.
 30. Фурсов А.И. Европейская система государств, англосаксы и Россия // Фурсов А.И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты. М.: Книжный мир, 2016. 512 с.
 31. Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (tres-tres grund espace dans une tres-tres longue duree) // Фурсов А.И. Русский интерес. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. С. 98-171.
 32. Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2002. 336 с.

The Principle of Unity of State Power as the Real Legal Basis for Its Organization and Activities

Grachev N.I.,

Doctor of Law, Professor of Department of Constitutional
and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: grachev.n.i@mail.ru

Abstract. *The intent and functions of the state power in a society suggest its arrangement on the basis of certain principles which are currently not always in line with those set forth by the constitutional legislation as independent foundations of the constitutional order. One of such principles is the principle of unity of state power. This article deals with its political and legal substance, its correlation with the principle of separation of powers, historic forms of its effectuation, and modern mechanisms for its implementation in the state construction practice of some particular states. The research methodology rests on system and structure-function analysis, concrete historical approach and comparative law approach, which allow the author to conclude that unity of state power is a consistent historical characteristic, being the permanent foundation of state-formed societies which constantly reproduces itself in the course of their evolution, during and after revolutionary transformations, regardless of its confirmation in the constitutional legislation.*

Keywords: *state, state power, supreme power, unity of state power, separation of powers, principles of organization of state power, constitutional legislation, state construction.*

References

1. Barenbojm P.D. 3000 let doktriny razdeleniya vlastej. Sud Suyutera. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEN), 2003. 288 s.
2. Vysochajshie utverzhdennye osnovnye gosudarstvennye zakony 1906 g., 23 aprelya // Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava (X vek-1917 god). Sost. V.A. Tomsinov. M.: Zertsalo, 2000. S. 311-320.
3. Gegel G.F. Filosofiya prava. M.: Mysl, 1990. 524 s.
4. Grachev N.I. Gosudarstvennyj suverenitet i formy territorialnoj organizatsii sovremennogo gosudarstva: osnovnye zakonomernosti i tendentsii razvitiya. M.: Knigodel, 2009. 468 s.
5. Grachev N.I. Basovye zennosti rossijskoj zivilisazii kak osnova rossijskoj Konstittutsii // Rossijskij zurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 4(5). S. 43-50.
6. Grachev N.I. Proiskhozhdenie suvereniteta: verkhovnaya vlast v mirovozzrenii i praktike gosudarstvennogo stroitelstva traditsionnogo obshhestva. M.: Zertsalo, 2009. 320 s.
7. Grachev N.I., Gadzhi-Zade E.A. Formy pravleniya i institut prezidentstva v stranakh SNG. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2005. 168 s.
8. Dajsi A.V. Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii. M.: Tip. Izdatelstva N.D. Sytina, 1905. 681 s.
9. Dmitriev YU.A., Nikolaev A.M. Sistema gosudarstvennoj vlasti v Rossii i v mire: istoriko-pravovaya retrospektiva. M.: Profobrazovanie, 2002. 840 s.
10. Karamzin N.M. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya Vostochnoj literatury, 1991. 127 s.
11. Kerimov A.D. Sovremennoe gosudarstvo: Voprosy teorii. M.: Norma, 2008. 144 s.
12. Kerimov A.D. Teoriya i praktika demokratii (chast 1) // Rossijskij zurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 2(3). S. 82-91.
13. Kerimov A.D. Teoriya i praktika demokratii (chast 2) // Rossijskij zurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 3(4). S. 70-79.
14. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. Uchebnik. V 4-kh t. T. 3 / Otv. red. B.A. Strashun. M.: BEK, 1998. 764 s.

15. Konstitutsiya (Osnovnoj zakon) SSSR 1936 g. // Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava. 1917-1991 gg. M.: Zertsalo, 1997.
16. Konstitutsiya (Osnovnoj zakon) SSSR 1977g. // Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava. 1917-1991 gg. M.: Zertsalo, 1997.
17. Konstitutsiya Rossijskoj Federatsii. M.: Prospekt, 2016. 32 s.
18. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii // Lokk Dzh. Sochineniya: V 3 t. T.3. M.: Mysl, 1988. S. 135-405.
19. Makhnach V.L. Poisk zemnogo sovershenstva // Nezavisimaya gazeta. 000.23.11.//ng.ru/ideas/2000/11/23/ideas.htm.
20. Men A. Istoriya religij: V 7 t. T.2. Magizm i Edinobozhie. M.: SP «Slovo», 1991. 426 s.
21. Mishin A.A. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. M.: Belye alvy, 1996. 316 s.
22. Monteske Zh.L. O dukhe zakonov. M.: Mysl, 1999. 672 s.
23. Pavlenko V.B. Globalnaya oligarkhiya. Klany v mirovoj politike: istoriya i sovremennost. M.: OTI, 2015. 720 s.
24. Polibij. Vseobshhaya istoriya. V 40 kn. T 2. Kn. 6-25. SPb.: Nauka, 2005. 422 s.
25. Renne R. de. Tajnyj smysl nyneshnikh i gryadushhikh sobytij // sites.google.com/site.
26. Simonishvili L.R. Formy pravleniya: istoriya i sovremennost. M.: Flinta: MPSN, 2007. 280 s.
27. Speranskij M.M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov. Spb.: Nauka, 2002. 680 s.
28. Federalist. Politicheskoe esse. A.Gamiltona, Dzh. Mehdisona, Dzh. Dzheya. M.: Progress, 1993. 568 s.
29. Flavij I. O drevnostyakh iudejskogo naroda (Protiv Apiona) // profilil.com/kniga/22671/iosif.
30. Fursov A.I. Evropejskaya sistema gosudarstv, anglosaksy i Rossiya// Fursov A.I. Mirovaya borba. Anglosaksy protiv planety. M.: Knizhnyj mir, 2016. 512 s.
31. Fursov A.I. Russkaya vlast, Rossiya i Evraziya: Velikaya mongolskaya derzhava, samodержавие i kommunizm v bolshikh tsiklakh istorii (tres-tres grund espace dans une tres-tres longue duree)// Fursov A.I. Russkij interes. M.: Tovarishhestvo nauchnykh izdanij KMK, 2014. S. 98-171.
32. Shmitt. K. Politicheskaya teologiya. M.: KANON-press-TS, 2002. 336 s.

